

Петр при подписании мира с турками узнал, что визирь требует выдачи Кантемира, то сказал: «Я лучше отдам землю туркам вплоть до Курска, нежели соглашусь на это, тогда у меня останется надежда отданное опять завоевать, но нарушить данное слово... Это, значит, потерять свою честь». Наше правительство нам так много всего обещало, что кое-кто по всем этическим нормам давно должен застрелиться. Ну на худой конец, подать в отставку...

— Сейчас быть человеком

Андрей Битов:

Чтобы обустроить Россию, надо что-нибудь починить

Когда читаешь Андрея Битова, то постоянно ловишь себя на том, что он заставляет мыслить. Его интеллект этичен, строг и суров. Гласность, которую провозгласил Горбачев десять лет назад, для Битова была нормой за десять лет до ее провозглашения. Его «Пушкинский дом» — сооружение духа, ума и совести. Потому я и обращалась к нему не только как к известнейшему писателю, но и как к человеку, которому не безразлична судьба его страны.

— Андрей Георгиевич, вы сегодня не растеряны!

— Сейчас все растеряны. Но, несмотря на негативные процессы, которые происходят, ни в коем случае нельзя вста-

вать на позицию, что сегодня хуже, чем вчера. То, что плохо сегодня, — это своего рода проявление зла в новых, бессистемных условиях. Ведь ту, тоталитарную, мы разрушили, а другую систему не создали. Сегодня мы не только растеряны, но и больны, бесчувственны и бессильны. А чаще всего приглушены собственными проблемами. Что, впрочем, касается и правительства тоже. Эту печать на себе несет не только каждый человек в отдельности, но и все общество в целом. Можете представить себе, какое это общество!

— Есть такая притча: во время турецкой войны молдавский господарь Кантемир попросил под покровительство Петра Великого, и когда

слова практически невозможно. Порой бывает и так, что человек не выполняет обещания потому, что не может этого сделать. Однако, когда ты заранее знаешь, что обещание невыполнимо, но обещаешь — это безнравственно. В принципе политика никогда не была нравственной. Все политики, как правило, обещают «золотые горы», потому что им нужно выиграть борьбу за власть. И когда мы идем голосовать, то прекрасно все понимаем. Чего же нам сегодня обижаться? Постоянная борьба за власть порождает постоянное вранье. Каждая невыигравшая сторона обещает народу больше, будучи при этом абсолютно уверенной, что ничего не выполнит... Но во всем этом отчаянии есть миротворческий

момент, который, кстати, в большой степени был у Горбачева.

— Когда он был у власти, интеллигенция частенько его «ставила на место», а теперь что-то притихла.

— Интеллигенция тогда находилась в экзальтации по поводу открывшихся возможностей: говорить прямо и свободно. При этом каждый имел разную квалификацию, разную меру ответственности. Появилась возможность выглядеть смелым, понимая, что тебе за это ничего не будет. Горбаче-

теллигенция вообще как таковая существует!

— В каждый конкретный отрезок времени утверждать это нельзя. Это потом о ней говорят, что она была. Что эти люди были ею. А сейчас тот, кто интеллигентный, должен пытаться быть интеллигентом.

— Вам это удается!

— Если меня кто-нибудь таковым считает, значит, он меня таким видит, я же себя чаще ловлю на неинтеллигентности. Не ловить же себя на хороших поступках — они естественны.

— Есть мнение, что интеллигентный человек может быть воспитан лишь в благополучном обществе...

— Благополучие — вещь не такая заурядная, как ее теперь объясняют. Это не только материальная сторона, а и семья, и традиции, и хорошие родители, и любовь, и удовлетворяющая тебя работа. Нравственным и принципиальным человеком можно быть и без высшего образования. И крестьянин может быть интеллигентным человеком, и рабочий, и литератор. А может и не быть — ни тот, ни другой и не третий.

Если вернуться к началу разговора об интеллигенции, то сегодня она пожинает последствия своей собственной борьбы. И уж если хочешь отно-

ситься себя к интеллигенции, то надо постоянно работать над собой. Ведь и Пушкин, когда писал: мы ленивы и нелюбопытны — говорил о себе. Потому что он это осознавал. Но если он ленив и нелюбопытен, то каковы же другие? Или вот Чехов говорил, что он по капле выдавливал из себя раба. Мы цитируем это и удивляемся: надо же, Чехов о себе такое говорил, такой совестливый человек, совсем же не раб! Это мы оцениваем!.. Наверное, Антон Павлович на самом деле говорил так: как

много раба, и вот сколько я его ни жму, а только капельку выжал...

— А как быть с нашей молодежью! Она сегодня читает в основном детективы, книги о сексе, дешевые мелодрамы. А Толстой, а Достоевский!..

— То, что их читали, это было где-то искусственно — заставляли. А развлечения, необходимые многим, были ликвидированы. Сейчас закипает жизнь, которую именуют «рынком». Правда, я ничего в этом не понимаю, я уже древнее ископаемое. Но я знал стремление к свободе и этим внутренним стремлением жив сегодня, но не за счет других — у меня есть инерция...

А классику читали потому, что ничего другого не было.

Я вас уверяю, массовый читатель большой литературы невозможен вообще. Если вы читали в то время Набокова, то лишь потому, что читать его можно было тайком. Или же Солженицына — лишь для того, чтобы «наковырять» изюм гласности, правды из батона. Сам-то «хлеб» не елся. Сейчас ситуация другая: к чтению вернутся те люди, которые умеют это делать. Все это, конечно, ставит литературу в сложное экономическое положение, к которому совершенно не приспособлен наш книгоиздатель-

ский рынок. Так чего же вы хотите? Издатели теперь идут на поводу у экономики и начинают «кормить» тем, что выгодно. А выгодно то, что проще. Конечно, это система падения. И мне легче после сегодняшнего дня лечь спать с очень плохим детективом и с отвращением к себе и собственному падению... Но все-таки читать его. Но я-то понимаю, что это душевный беспорядок. Тот уровень нашей просвещенности, нашей литературности, даже нашей прекрасности и романтичности был рабским. Но и сегодня никто не получает наслаждения от такой свободы. Свобода — это джунгли, это ужас.

— И в джунглях свои законы, которых мы не знаем...

— В прежнюю клетку снова

уже никто не пойдет. Но даже если мы построим себе дома, создадим хорошую полицию, действующий закон, мы снова будем в клетке, но она уже будет другого качества. Лучше, возможно. Человек никогда не бывает полностью свободным — обязательно от чего-нибудь зависит.

— Андрей Георгиевич, говорят, чем больше зла на земле, тем больше причин для творчества. Это так!

— Творчество — это уже добро. Созидание добра. Если вы читаете прекрасное произведение о страданиях, то вы проникаетесь сочувствием, значит, конечный результат всегда будет добром. Вот Моцарта отравили, а победило добро. Источник искусства не в том, что Сальери отравил Моцарта или что он этого не делал, — не это зло нас питает, а вера. Что же мы беседуем, если у нас веры нет? Мы можем быть один лучше другого — это зависит от воспитания, и мы будем либо становиться еще лучше, либо еще более портиться. Нам все время будет сложно, если мы хотим стать личностью. Решения нет и ответов на вопросы тоже — все это в нас самих. Мы рождены, чтобы страдать, любить и искать истину.

— Ну а если более конкретно!

— Мой четырехлетний сын, глядя на весь этот беспорядок, недавно сказал: «Надо сделать что-нибудь веселое, чтобы все улыбнулись, а потом дать каждому папе по какому-нибудь инструменту, чтобы он хоть что-нибудь починил». Я не знаю лучшей программы обустройства России.

Беседу вела
Лидия ГАЛУЩЕНКО.